

Эрика Досс, профессор Университета Нотр-Дам в Индиане

Эрика Досс – профессор Университета Нотр-Дам в Индиане. Специалист в области современного искусства и визуальной культуры. Редактор серии Culture America в издательстве University Press of Kansas, член издательского совета серий Memory Studies and Public Art Dialogue. Автор книги Memorial Mania; Public Feeling in America (Chicago University Press, 2010).

1. Практики спонтанной мемориализации включают в себя очень широкий спектр явлений. Это и придорожные памятные знаки, и большие мемориалы типа того, что установлен в редакции Charlie Hebdo в Париже, и вещи, которые приносят к мемориалам, и онлайн-мемориализация и т.д. Какое направление исследований кажется Вам наиболее перспективным?

Смотря, кто проводит исследование и что он хочет выяснить. Если вы исследуете мемориалы местного уровня, поскольку вам интересно, как люди реагируют на автомобильные аварии или тому подобные несчастья, которые происходят внутри их сообществ, вы будете обращать взгляд на придорожные памятники. Если вас интересует более широкая национальная картина, вы сконцентрируетесь на мемориале событиям 11 сентября или других

больших официальных мемориалах, входящих в систему National Park Service. Таким образом, слово «перспективный» уместно, только когда исследователь ищет что-то для своей статьи. Я думаю, все эти объекты перспективны в разных смыслах, поскольку они говорят нам как исследователям: люди настолько эмоционально вовлечены в какое-то событие, что они идут в общественное место, на улицу и создают что-то, чем хотят поделиться, они хотят, чтобы это увидели другие и чтобы другие добавили нечто свое. Результатом может быть придорожный памятный знак или мемориал жертвам террористического акта, украшение могилы и т.д. В любом случае это совсем не то же самое, что сидеть дома или в офисе. Так что «перспективность» очень различается в зависимости от того, что мы хотим узнать.

2. Каким образом социальные медиа изменили практики спонтанной мемориализации? Прослеживаете ли Вы какое-то влияние?

Я сейчас читаю роман, в котором рассказывается, что в США в конце 1960-х и в 1970-х ежедневно происходило до 60 взрывов, организованных различными левыми и оппозиционными группами, которые протестовали против войны во Вьетнаме или правящих кругов. Я выросла

в то время, и я, кажется, что-то такое помню, но дискуссий об этом почти не велось. Сегодня, если что-то подобное произойдет, информация сразу появится во всех медиа. Об этом будут говорить в новостях по телевизору, будет видео, и все будут это смотреть. Иными словами, вокруг этого события развернется целое обсуждение. Так что, да, конечно, социальные медиа участвуют в этом процессе, и они помогают вызывать общественный отклик, который в свою очередь помогает поддерживать такой обычай, как спонтанные мемориалы. Они существовали сотни лет, но сейчас набирают популярность, потому что мы смотрим вокруг и говорим: «О! Все так делают, и я тоже так сделаю». Потому что есть осознание того, что о тех ужасных вещах, которые происходят в любом другом маленьком городе, теперь знают все. С помощью социальных медиа это становится по-настоящему важным событием, на которое люди реагируют – впрочем, не политически. Они не говорят своим конгрессменам или сенаторам: «Эй! Мы должны избавиться от огнестрельного оружия!» или «Эй! Полицейское насилие – это плохо!» Вместо этого они создают спонтанные мемориалы. Это в чистом виде результат экспансии социальных сетей, частью которых мы все являемся. Сейчас в Европе и в США все постоянно смотрят в свои смартфоны, я уверена, что в России дело обстоит абсолютно так же. И это выливается в коллективное участие в спонтанной мемориализации.

3. Каковы основные функции спонтанной мемориализации в современном обществе: социальное исцеление, протест или что-то другое?

То, что происходит, можно описать словами «Хлеба и зрелищ!». «Давайте все пойдем к месту, где был убит этот человек (где что-то произошло)!» Придя туда, люди употребят всю свою эмоциональную энергию на создание спонтанного мемориала вместо того, чтобы исполь-

зовать более эффективные, с моей точки зрения, политические меры, такие как партийная политика, открытый протест, «оккупай» или антивоенный протест. Я не против спонтанных мемориалов, но думаю, что они используют огромную общественную эмоциональную энергию чрезвычайно непродуктивно с политической точки зрения. Есть другие пути добиться перемен. Вообще сомневаюсь, что спонтанные мемориалы создаются для того, чтобы добиваться перемен. Некоторые считают, что такие памятники – это низовая политика, но я с этим не согласна. Я думаю, это массовое поветрие, мы довольно лицемерно идем к этим мемориалам, потому что «мы очень огорчены» тем, что еще один чернокожий человек был убит в Америке, и почему-то мы чувствуем, что, принеся цветок или свечу к этому месту, мы выражаем свою скорбь. Конечно, мы ее выражаем. И что дальше? К чему это приведет? Как это меняет систему законов об оружии, влияет на войны или милитаризацию полиции? Очень важно, что люди выражают свою скорбь, но, как я пишу в книге *Memorial Mania*, есть эффективные способы горевать публично и есть просто публичное горевание. Я не пытаюсь заниматься конспирологией, но, если смотреть на это цинично, с точки зрения людей во власти, то можно воскликнуть: «Чудесно! Сотни людей делают спонтанные мемориалы. Это гораздо лучше, чем действительно пытаться реформировать общество или менять политическую культуру».

Я знаю, что это звучит цинично, и я действительно довольно цинична, но... насколько это эффективно для меня – плакать на публике? Люди видят это и изумляются: «О! Она публично плачет! И то, что произошло, конечно, ужасно». Но остается важный вопрос: как использовать эмоции эффективно с политической, культурной или социальной точки зрения? И мне не кажется, что спонтанные мемориалы этому способствуют. Они, конечно, сигнализируют:

«Эй! Многие люди огорчены убийством человека на мосту (или убийствами чернокожих по всей Америке)». Но убийства продолжают происходить. И такого рода поведение [как спонтанная мемориализация] не является эффективным способом контроля над ситуацией. Так что... Я жду. Мне интересно увидеть, к чему это придет. Понимаете, я рада, что люди расстроены, они должны быть расстроены. То, что у нас происходит, действительно чудовишно. Но это выглядит так, как будто мы не понимаем: «Эй, Америка, у тебя есть право голосовать! У тебя есть право влиять на политические изменения! Пойди и сделай это!» Кажется, что люди не осознают, что у них есть политическая власть, они почему-то думают, что у них есть право создавать спонтанные мемориалы. Это исцеляет. Очень плохо быть злым или расстроенным и держать это внутри. Так что выставить свои эмоции в виде манифеста или мемориала на всеобщее обозрение – это прекрасно. Потому что тогда люди не бунтуют, не начинается анархия. Вместо этого они участвуют в достаточно контролируемой эмоциональной церемонии, с ее цветами, свечами, приношениями и – воспоминаниями. Воспоминаниями о прошлом... Но как тогда мы изменим будущее?

Возможно, главная задача мемориалов – сохранять память о трагедии и о том, что отклик на нее был важен. Не забывай об этом, не обесценивай, не отрицай! Может быть, поступая таким образом, мы почувствуем себя лучше, избавимся от нашей боли, «социально исцелимся». Отлично! Я, правда, не знаю, действительно ли это работает, и, еще раз, отношусь к этому довольно скептически. Я недавно была в Оклахоме, и там в музее действительно рассказывается об истории, которая случилась в городе, о том, что случилось, как это было, как он получил в свое распоряжение грузовик и т.д. Те, кто там работает, делают по-настоящему важное дело, рассказывая людям о том, как мы можем предотвратить появление нового Тимо-

ти Маквея. Таким образом, их цель – создать американцев, которые подумают дважды, прежде чем присоединиться к праворадикальным группам. И это прекрасно. Просто потрясающе! Но это не про исцеление нации, а про образование, про то, чтобы предотвратить внутренний терроризм, такой как взрыв, организованный Тимоти Маквеем, или массовое убийство в школе «Колумбайн». И вот это, по моему мнению, действительно имеет значение.

С другой стороны, в этой стране очень много насилия, и мы, кажется, просто не хотим понять, в какой степени оно связано с огнестрельным оружием. Я поражаюсь, ведь для меня это абсолютно очевидно: если мы хотим предотвратить терроризм, связанный с огнестрельным оружием и вообще насилие в этой стране, то давайте контролировать это чертово оружие. И тогда у нас не будет ночных клубов, в которых геи становятся мишенями и т.п. Такое ощущение, что 50% нашего мозга не работает. Мы и вправду огорчены насилием и смертями, вызванными огнестрельным оружием, и при этом мы, кажется, действительно не понимаем, что с этим можно что-то сделать. Вместо этого мы строим мемориалы! Я знаю, что Оклахома-Сити – это совсем другая история: там был взрыв. Интересно проследить, как жертвы становятся героями, что я нахожу очень сомнительным, потому что они не герои, они – жертвы, они были убиты. Но здесь, в США, мы привыкли превращать жертв в героев, хотя мне кажется это немного нечестным.

Мы говорим: «Так. Майкл Браун был убит полицейскими в Фергюссоне посреди улицы». Но мы не делаем следующего шага: «Ага. Значит, нам надо сделать что-то с огнестрельным оружием и милитаризацией полиции». Мы разговариваем, мы делаем мемориалы, мы протестуем, мы устраиваем акции на улицах городов, но этого следующего шага мы не делаем. А вот в других странах, например, в Австралии или Канаде, как только насилие, связан-

ное с оружием, стало набирать обороты, были приняты действительно эффективные законы, ограничивающие возможность владения им. Для меня это очень логично, но, к сожалению, спонтанные мемориалы – не про логику, они – про эмоции.

4. С чем связан такой большой запрос на публичное оплакивание? Что это – слом табу на публичное переживание смерти, новый канал для выражения общественной позиции или нечто иное?

Тут много факторов. Один из них – свободное время. Раньше люди работали 24/7. Откуда бы они взяли время для скорби?! Живи мы тогда, мы бы были так заняты и это было бы так травматично, что у нас просто не было бы времени ни для скорби, ни для спонтанных мемориалов. Конечно, мы бы испытывали такие же сильные эмоции и, возможно, хотели бы как следует погоревать, но было бы много и иных забот, таких как элементарная забота о хлебе насущном. Так что во многом публичное выражение своих эмоций связано с тем, что у людей стало больше времени и его можно потратить и на это.

Также, по крайней мере в Штатах, это связано со стремлением к публичности. Каждый хочет быть знаменитостью, каждый хочет быть на телевидении, а создание спонтанного мемориала – это в своем роде публичный акт и участие в публичных действиях. И это становится тем, как следует поступать, моделью поведения. Если что-то, не дай бог, произойдет в моем городе, тысячи людей будут участвовать в мемориализации. Эта демонстрация того, что «мне не все равно», достаточно конформистская.

Я думаю, что смерть все, еще не познана, да ее и невозможно познать, и, когда мы видим ее только по телевизору, на картинках и в фильмах, мы не уверены. Это все равно что проезжать мимо ДТП на шоссе. Все тормозят и смотрят на аварию. Это отвратительно, это

мрачно, это нелепо, но мы не можем отвести глаз. Так что спонтанная мемориализация важна и потому, что обычно происходит на месте чьей-то гибели. Здесь умерли реальные люди. Это как дотронуться до чего-то настоящего. Здесь, в США, люди обычно умирают в больнице или хосписе. Мы отодвинуты от процесса умирания. То же происходит и с телом умершего. Раньше мы обмывали тело, тела пребывали в наших гостиных, была полноценная связь между живыми и умершими, а сейчас ее нет. Поэтому во многом спонтанная мемориализация – для того, чтобы прикоснуться к смерти. Но является ли это способом избавиться от табу на смерть, или это еще один способ ее контролировать? Спонтанные мемориалы – очень контролируемая среда. Они могут выглядеть беспорядочными, но то, чего никогда не бывает в спонтанных мемориалах, – это отсылки к реальной причине смерти. В школе «Колумбайн» были установлены большие кресты после стрельбы в 1999-м году, и кто-то пытался изобразить там кровь, но это было сразу уничтожено. Никто не позволит выйти за рамки и не допустит реальных свидетельств насилия в этих местах. Может быть протест. На мемориале в Фергюссоне проходил протест против полицейского насилия, но, кроме контура тела, нарисованного мелом на асфальте, все находилось под строгим контролем: никаких следов крови, травмы, тела и т.д.

Этой осенью я буду читать курс о смерти в Америке, и только что подготовила свой силлабус, и много думаю об этой теме. Сперва я думала: «Да, спонтанные мемориалы – это места, где американцы сталкиваются лицом к лицу со смертью». Сейчас я думаю: «Нет, это просто еще один барьер». Мы думаем, что он делает нас немного ближе [к смерти], но на самом деле это, как и похороны, кладбище, похоронный дом или погребение, – еще одна стена между нами и умершим. И когда дело касается травмы или насильственной смерти, барьер становится по-

литически заряженным. Я не знаю, как это обстоит у вас, но мы в Штатах очень защищены. К нашим берегам не приплывают голодающие беженцы, как в Европе, на наши деревни не падают бомбы, как в Сирии, наша смерть очень голливудская, и она всегда очень неожиданна для нас. Мне 60 лет, и мое поколение сейчас имеет дело с собственными смертями и смертями наших родителей. И мы в ужасе. «О боже! Это занимает столько времени! И столько энергии!» Мы потрясены. Потому что мы никогда с этим не сталкивались. Это интересно. Я отношусь к белому среднему классу, и люди из моего окружения никогда не видели мертвого тела и не прикасались к нему. В рамках моего учебного курса я вожу студентов в крематорий и в похоронный дом, и они бывают шокированы. Я говорю им: «Да, вот так оно все и будет!»

5. В какой мере мы можем говорить о спонтанности этих практик сейчас, когда они уже успели стать самовоспроизводящейся традицией?

Да, именно поэтому я предпочитаю называть их временными мемориалами, а не спонтанными. Они «спонтанные» только потому, что они появляются спонтанно, как и сама смерть, но сама форма мемориала очень устоявшаяся. Мы с вами можем сейчас пойти и сделать временный мемориал. Нам просто нужны цветы, немного свечек и плюшевых игрушек. Это не столько ритуал спонтанный, сколько ритуал дарения подарков. И мы все прекрасно с ним знакомы, поскольку неоднократно видели его по телевизору, в фильмах.

6. Находясь в общественном месте, спонтанные мемориалы значительно изменяют его роль в повседневной жизни. Как долго, по-вашему, должен существовать такой мемориал? И каким образом должен заканчивать свое существование? Какова роль архивации и музеефикации в этих процессах?

Это хороший вопрос. В Memorial Mania я пишу о том, как временные мемориалы заставляют вас, если вы идете по улице, менять вашу манеру ходьбы. Они разрывают повседневность. И это важно, именно в этом и смысл! Вы идете по улице и вдруг – о! Спонтанный мемориал, прямо на тротуаре! Или вы едете в машине и вдруг – спонтанный мемориал. И вы понимаете: «А! Что-то случилось здесь. Что-то плохое, что-то грустное». И вы идете дальше. Они очень временные, недолговечные. Некоторые из них, как вы знаете, потом становятся постоянными мемориалами, как Колумбийский или Шенксвилл в Пенсильвании. Но большинство просто разваливаются и смываются дождем. Они действительно разрывают повседневность. В этом и состоит их задача.

Что касается времени жизни мемориалов, то они могут существовать сколь угодно долго. Я не верю в рамки. Конечно, грустно смотреть на вымокшего плюшевого мишку или чудовищного вида искусственные цветы, но... Вы идете на кладбище и видите там памятник из 1920-х. Это то же самое. Спонтанные мемориалы касаются текущего момента, это что-то обо мне и о тебе сейчас. Не о нас с вами через пять лет, а о нашем эмоциональном состоянии в настоящий момент. И поэтому мы не можем ожидать, что они будут существовать всегда. Если вы хотите их поддерживать постоянно в качестве политического протеста, как, например, в том случае на мосту, то это уже что-то совершенно другое. Но обычно человек хочет просто выразить свое отношение к каким-то страшным событиям, свои эмоции. Он создал мемориал, и все – дело сделано. Он идет дальше. Я понимаю, что я очень цинична.

А сохранение артефактов с мемориалов в архивах и музеях – очень важное явление: люди, которые формируют там фонды, понимают, что это прямое выражение общественных эмоций. Мы не можем просто отправить эти вещи на помойку –

придется их собирать. Люди приносят вещи к вьетнамскому мемориалу, к мемориалам 11 сентября, к мемориалу в Колумбайне. И все это сохраняется. Что, конечно, прекрасно для нас с вами – исследователей. Через 30 лет архивисты будут работать с этими материалами. Но это кошмар для исторических музеев и архивов. Эти материалы токсичны и вредны для окружающей среды: попробуйте, оставьте газету под дождем на два дня – она превратится в Бог знает что. Теперь ее должны взять, поместить в музейный фонд и хранить в архивной бумаге. Это дорого. Но, что важно, это будет определять то, с какими материалами вы и я будем работать в будущем. Мы будем оглядываться назад и думать, в чем было историческое значение сохранения всех этих материалов... Это действительно странно. Есть новая книга историка Дэвида Рейфа (David Reif), который рассуждает о забывании. Он говорит: «Мы не можем помнить все, да мы и не должны». На нас лежит бремя истории и воспоминаний, и как мы можем попасть в лучшее будущее, если мы не знаем, как избавиться от груды воспоминаний? Сейчас я нахожусь в такой точке, когда мне приходится от многого избавляться – бумаги, книги, мебель, архивы. И я, как историк, разрываюсь между «О боже! Это архивы, с которыми люди смогут потом работать!» и «О боже! Я не хочу, чтобы с этим кто-то работал!» Это тяжелое бремя. Но это также говорит нам о том, как public history стала действительно важной для институтов, которые занимаются историей, таких как архивы и исторические музеи. И конечно, они существуют на общественные деньги. И если вы посмеете выкинуть что-то, что относится к 11 сентября, то медиа узнают об этом, и вам придет конец. В некотором смысле это – чистой воды PR.

7. Какие исследования в этой области Вам представляются наиболее значимыми? Порокомен-

дуйте, пожалуйста, нашим читателям три каких-нибудь текста.

Ранние работы Джека Сантино, касающиеся этого феномена, были настоящим прорывом. И они не потеряли своего значения.

Хэрриэт Сенье (Harriet Senie) посвятила много времени исследованию временных мемориалов и утверждает, что они являются свидетельством низовой политики. Я с этим не согласна. Но это ее терминология. Она также замечает, что существующие сейчас в США временные мемориалы сильно связаны с нашим чувством исключительности и ощущением того, что все мы – жертвы.

Другая действительно хорошая работа – Марита Старкен (Marita Sturken) *Tourists of History: Memory, Kitsch, and Consumerism from Oklahoma City to Ground Zero* (Duke University Press, 2007). Она утверждает, что мы отвечаем на национальные трагедии тем, что покупаем что-то, создаем мемориалы и оставляем эти вещи там.

Моя книга *Memorial Mania*.

Питер Маргри (Peter Margry) из Амстердамского университета также пишет / ведет интересную работу.

Это наиболее важные исследователи.

8. Может быть, эти явления стоит рассматривать в контексте каких-то более широких тем (поминальных практик, death studies, паломничества, public display, политической коммуникации)?

Я обращаюсь ко всем этим исследовательским областям. По образованию я специалист по американской истории и истории искусства, но я читаю работы по антропологии, географии, немного по социологии. Сама я предпочитаю антропологию и называю себя «полевым этнографом». Конечно, еще и политология. Я полагаю, что, если мы собираемся говорить о чем-то, мы должны действительно быть на

месте действия, видеть, что делают люди, по возможности быть включенным наблюдателем, сохраняя критическую дистанцию. Например, я сидела в своем кабинете, когда вошел мой коллега и сказал, что умер Майкл Джексон. И я сказала, что мы должны поехать в Гэри штата Индиана, который находится в часе езды отсюда и где вырос Майкл Джексон. На следующий день, рано утром, мы уже были там и увидели небольшой дом, в котором певец жил когда-то давно. Около здания была сотня людей, в основном местных, которые хорошо помнили семью Джексонов. И сотня репортеров. Захваченные происходящим, мы простояли там несколько часов. Я снова вернулась туда несколько недель спустя, чтобы увидеть, как мемориал изменился. И когда мы первый раз приехали туда, меньше чем через 24 часа после смерти Джексона, пространство перед домом было заполнено предметами, которые оставляли там люди из этого района. Дети оставляли собственные мягкие игрушки, люди приносили цветы из своих садов, самодельные открытки и самодельные плакаты. Позже я наблюдала, как остановился лимузин и из него вышел человек с огромным плюшевым медведем с ценником. То есть он сел на самолет, полетел в Чикаго, взял в аренду лимузин, купил этого медведя и привез туда. Так из локального памятного места для тех, кто знал Джексона, этот мемориал вырос до национального: к нему приходили люди со всей страны и СМИ были тут как тут. Две недели спустя он был уже просто колоссальным: сотни тысяч человек принесли туда разные предметы. И это превратилось в настоящий аттракцион. Там были палатки с хот-догами, люди продавали вещи. В общем, я думаю, что, если ты можешь сделать работу – иди и делай. Будь в центре событий и смотри, каким образом люди утверждают то, что они утверждают, и почему. Я погружаюсь в самые разные области, чтобы понять и теоретически осмыслить, как именно люди начинают опре-

делять самих себя, как американцы хотят выразить себя в публичной сфере – это критически важно для понимания расовой, классовой, гендерной динамики. Я не уверена, что вопрос о роли женщин в практиках спонтанной мемориализации полностью исследован. А ведь женщины, по крайней мере в американской традиции, являются главными носителями семейной памяти. И именно они, на мой взгляд, играют главную роль в создании мемориалов жертвам огнестрельного оружия в Америке. И мне кажется, что в области гендерной динамики было сделано еще недостаточно. Так что есть над чем работать.

*С Эрикой Досс беседовала
Анна Соколова*

Питер Ян Маргри, профессор Амстердамского университета

Питер Ян Маргри – профессор европейской этнологии Гуманитарного факультета Амстердамского университета. Основная тема его исследований – культура повседневности, религиозная культура, культурная память, культурное наследие. Также является вице-президентом и секретарем Международного общества этнологии и фольклора (SIEF), секретарем Фонда исследований культуры повседневной жизни (Stichting Onderzoek cultuur van het dagelijks leven), членом редакционной коллегии международного журнала *Ethnologia Europaea* и журнала *Quotidian, Dutch Journal on Everyday Culture*. Соредактор (совместно с Кристиной Санчес-Каррето) книги *Grassroots Memorials: The Politics of Memorializing Traumatic Death* (Berghahn NY / Oxford, 2011).

1. Практики спонтанной мемориализации включают в себя очень широкий спектр явлений. Это и придорожные памятные знаки, и большие мемориалы типа того, что установлен в редакции Charlie Hebdo в Париже, и вещи, которые при-

носят к мемориалам, онлайн-мемориализация и т.д. Какое направление исследований кажется Вам наиболее перспективным?

Все формы и проявления интересны. Можно, кстати, поспорить о терминологии: в чем разница между спонтанными и народными (grassroots) мемориалами? Лично мне больше нравится термин «народные», и совершенно справедливо будет задать вопрос, до какой степени эти мемориалы вообще спонтанны. Книга, которую мы сделали с Кристиной, больше сфокусирована на политическом измерении спонтанной мемориализации¹. Конечно, индивидуальные придорожные мемориалы тоже любопытны, но они обычно затрагивают только одну семью и ее окружение, друзей. Иногда здесь тоже можно обнаружить какие-то политические мотивы, особенно если пострадавших было много. Но более интересны, на мой взгляд, большие публичные мемориалы, связанные с масштабными трагедиями и травмами, терроризмом, войнами, катастрофами, оказавшими значительное влияние на местное

1. Margry, P. J. And Sanchez-Carretero, C. (eds.) *Grassroots Memorials: The Politics of Memorializing Traumatic Death*. (New York and Oxford: Berghahn Books, 2011)

сообщество или страну в целом. Мемориалы, которые стараются повлиять на власть или на политику, имеют и большее влияние на общество. Так что именно они кажутся мне более перспективными. Однако в странах, где к публичной мемориализации отношение менее терпимое или не терпимое вообще, более актуальными, возможно, окажутся онлайн-формы как более анонимный способ критических высказываний.

2. Каким образом социальные медиа и компьютерные сети изменили практики спонтанной мемориализации? Прослеживаете ли Вы какое-то влияние?

Социальные медиа, несомненно, очень и очень могущественны. Хотя смотря, конечно, что мы так называем. Телевидение ведь тоже сюда относится. И если мы обратимся к 1990-м годам, то увидим, что уже тогда, после смерти леди Дианы, СМИ играли огромную роль. Ее гибель была одним из событий, одной из травм, вызвавших чувство опустошенности у людей по всему миру. Было невозможно поверить, что эта сказочная принцесса может умереть. И в этом отклике, конечно, было много скорби, но в появившихся перед [Кенсингтонским] дворцом в Лондоне мемориалах содержалось немало политических высказываний – критики монархии в целом и конкретно королевской семьи и королевы. Так что еще до того, как появились социальные медиа в современном смысле этого слова, телевидение играло крайне важную роль, устанавливая форматы, знакомя людей с самой идеей таких публичных акций, объединяющих общество и в то же время оголяющих какие-то его изъяны. Но, конечно, сейчас соци-

альные медиа в разы могущественнее. Сейчас можно обмениваться изображениями, форматами. Как создать мемориалы? Вы можете легко посмотреть, какими они могут быть, вы можете ориентироваться на какие-то примеры. Сейчас все это доступно. Если раньше спонтанная мемориализация была типична лишь для Запада – для Европы и США, то теперь она распространяется по всему миру: в странах Азии, когда происходят катастрофы, террористические акты, люди тоже находят способы проявления своей скорби и недовольства.

Благодаря социальным медиа теперь не обязательно каждый раз выходить на улицы, чтобы донести до общества свои мысли, можно вести электронную мемориализацию, критиковать онлайн. Но все-таки, я думаю, более действенными остаются мемориалы, появившиеся непосредственно на месте трагедии: это добавляет памятнику столь ценной подлинности.

Что касается мгновенной онлайн-мемориализации, типа фильтров с флагами, которые предлагает Фейсбук, то это просто мода. Платформа предлагает их, люди начинают лайкать, и вот – все ваши друзья с французскими флагами. Я думаю, это чрезмерно простой путь, и потому поверхностный. Он очень быстро теряет свою значимость, как мне кажется. Теперь, как только что-то случается, все здания в городах окрашиваются в цвета флагов², в какой бы стране что-то ни произошло – флаг уже наготове. Когда эти фильтры только появились, то были очень сильным высказыванием, сейчас уже подрастали свою ценность. А когда они остаются слишком надолго, то вообще начинают вызывать раздражение. Так что не знаю... Хорошо, конечно, что люди чувствуют связь с происходящим, но социальные медиа делают

2. Речь идет о мемориальной акции, прошедшей по всему миру после терактов в Париже в ноябре 2015 года, в ходе которой наиболее известные исторические здания по всему миру были подсвечены цветами французского флага.

это до предела простым – нужно только нажать кнопку, чтобы выразить свою скорбь и солидарность. Слишком короткий путь. Это особенность социальных медиа – они действуют интенсивно, но недолго. С помощью электронных мемориалов очень просто выразить свои чувства. В этих действиях легко участвовать, но они далеко не такие эффективные, как когда ты создаешь что-то в реальной жизни, когда ты приносишь свечи и цветы. Конечно, эта форма мемориализации еще очень молода, чтобы давать ей однозначную оценку. Но, с другой стороны, материальный мемориал видят только прохожие, и только они могут оценить его значимость, он имеет гораздо меньший охват, чем созданный в сети. Хотя люди, участвующие в мемориальных действиях на улице, тоже могут иметь веб-сайт или страницу в социальных сетях. Так что фильтры – это хорошо, но они приходят и уходят. Возможно, их сменит что-то другое. В конечном итоге все это говорит о том, что люди не остаются безразличны к тому, что происходит, и это хорошо. Но онлайн-мемориализация нередко вызывает отторжение. Сам человек, предпринимая какие-то мемориальные действия, обычно искренен, но зрители воспринимают это как что-то поверхностное. Так что здесь не все так просто.

3. Каковы основные функции спонтанной мемориализации в современном обществе: социальное исцеление, протест или что-то другое?

Конечно, социальное исцеление присутствует, но на первом плане здесь скорбь и траур – обычные человеческие реакции на преждевременную смерть. Я уже отмечал, что это в той или иной степени признание смерти, потери, к тому же скорбящие хотят придать этой смерти какой-то смысл. Конечно, здесь есть и элемент политики, протеста, призыв исправить, улучшить что-то (например, дорожную безопасность), привлечение внимания к проблеме. Социальное исцеление важно не только на ло-

кальном, но и на международном и даже мировом уровнях.

4. С чем связан такой большой запрос на публичное оплакивание? Что это – слом табу на публичное переживание смерти, новый канал для выражения общественной позиции или нечто иное?

Скорбь всегда присутствовала в публичной жизни, но всегда была довольно ограничена. В наше время люди иначе обращаются со смертью. Возможно, спонтанная мемориализация именно потому появляется в Европе и Америке, что со всем тем уровнем безопасности, который есть у нас, со всем этим уровнем социального благополучия, когда все под контролем, все хорошо, ничто, так сказать, не может пойти «не так». И когда что-то все же идет «не так», это вне повседневности, это прорыв опасности, незащищенности, преждевременной смерти. А преждевременная смерть считается чем-то неприемлемым. Поскольку у каждого есть право на жизнь, каждый должен жить полной жизнью, со всем присущим ей медицинским и социальным обслуживанием. Мы живем в благополучном обществе и что, черт возьми, может здесь произойти?! И что бы ни случилось: стрельба в школе, падающие самолеты, катастрофы – это вне повседневности. И это причина того, почему придорожные мемориалы так важны. Особенно для семей, в которых погибли молодые люди. Их жизни не должны быть забыты, все хорошее, что они сделали, должно быть отмечено. Кровь не должна проливаться напрасно. Придорожные мемориалы часто обращены к узкому кругу людей, знавших человека. Это локальный уровень, но на уровне больших народных мемориалов происходит то же самое. Люди должны оставаться в памяти. И в случае с катастрофой «Боинга МН-17»³ родители хотели привнести в смерть своих детей какие-то еще смыслы. Такие акции – всегда в ка-

кой-то мере и политический канал, как я уже говорил раньше. Если вы хотите достигнуть каких-то политических целей, мемориал способен помочь вывести их на поверхность.

5. В какой мере мы можем говорить о спонтанности этих практик сейчас, когда они уже успели стать самовоспроизводящейся традицией?

Мы писали об этом в своей книге, конечно. И мы отказались от этой черты как определяющего элемента, поскольку не уверены, что они действительно спонтанные. Конечно, есть устоявшиеся форматы, и они могут быть названы традицией (оставим сейчас в стороне вопрос о том, что такое традиция). Люди воспроизводят форматы, которые уже есть у них в голове. И в этом смысле здесь, конечно, нет места спонтанности. С другой стороны, для того, чтобы пойти в общественное пространство и создать мемориал, ты должен пересечь определенную границу. Так что до какой-то степени каждый раз это реакция на некоторое событие, и никто не знает наверняка, что эта реакция будет, и никто не знает, воплотится ли она в мемориале. И здесь спонтанный элемент присутствует. Но в том виде, в котором это осуществляется, да – это устоявшиеся форматы, которые могут называться традицией.

6. Находясь в общественном месте, спонтанные мемориалы значительно изменяют его роль в повседневной жизни. Как долго, по-вашему, должен существовать такой мемориал? И каким образом должен заканчивать свое существование? Какова роль архивации и музеефикации в этих процессах?

Надлежащий срок жизни... Я не думаю, что есть четко определенное время, потому что спонтанные мемориалы всегда существуют в публичном пространстве, им приходится иметь дело с конкретными обстоятельствами. По наблюдениям, придорожные мемориалы, посвященные смерти отдельных людей, существуют гораздо дольше, потому что в этом случае есть конкретная семья, которая хочет сохранять этот мемориал своего сына или дочери невредимым, и у них есть время и мотивация, чтобы делать это годами, настолько долго, насколько местные власти не будут этому мешать. Для больших мемориалов, политических мемориалов, народных, создание которых является коллективным актом, все гораздо сложнее, поскольку никто не чувствует себя индивидуально ответственным за него. Например, в Москве, у мемориала на мосту⁴, есть специальная группа, которая поддерживает этот мемориал и продлевает его существование, несмотря на все меры, предпринимаемые муниципальными властями. Так что тут все очень зависит от конкретных обстоятельств. После 11 сентября в Нью-Йорке некоторые мемориалы сохранялись на протяжении месяца, но в определенный момент городская жизнь должна была вернуться в свое русло. Многие были убраны, хотя в некоторых местах, таких как Ground Zero, они существовали гораздо дольше и в конце концов были превращены в постоянные. Срок жизни такого памятника ограничен и теми материалами, из которых он сделан – цветы и, например, бумага (из нее можно что-то очень быстро создать), но потом под воздействием погодных условий они быстро приходят в негодность. И тогда люди ска-

3. МН-17 — «Боинг» авиакомпании «Малайзийские авиалинии», сбитый над Донецкой областью 17 июля 2014 года.

4. Речь идет о мемориале Борису Немцову на Большом Москворецком мосту в Москве.

жут: «Если мемориал такой неопрятный, то уж лучше его убрать», – и власти все уберут. Влияет и то, до какой степени этот мемориал получает поддержку общества, есть ли там хранители, потому что на больших мемориалах люди часто становятся такими неформальными хранителями: убирают увядшие цветы, ухаживают за ним, содержат его чистым, аккуратным и красивым. Так что есть ли какой-то уместный срок существования? Нет. Он определяется обстоятельствами. Кроме того, будь это спонтанный мемориал или народный мемориал, часто возникает возможность создать на его месте постоянный. На тротуаре или в оживленном центре города вряд ли это получится, но если это школа или университетский кампус, где произошла стрельба, – вполне.

Как должна выглядеть смерть мемориала? По-разному может прекратиться его существование. Его может сдуть ветром или смыть дождем, он может быть разбросан или же ликвидирован коммунальными службами. Возможно, люди решат, что пришло время его убрать, сохранив какие-то отдельные материалы. И здесь подключаются архивы и музеи. Они говорят: «Мы те самые общественные институты, которые имеют дело с наследием, мы можем взять эти материалы и сохранить их, архивировать их». После 11 сентября Smithsonian Institution сохранил многие материалы. В Нидерландах после ряда террористических актов и убийств политиков все эти материалы были сохранены в такого рода заведениях.

Мы уже признаем, что спонтанная мемориализация – не глупость, не форма массовой истерии, как считали раньше. В Нидерландах, когда был убит голландский политик Пим Фортёйн⁵, люди отреагировали очень эмоционально, начали создавать мемориалы. Все очень удивились:

как такая истерия вообще возможна в этой стране? Но как выяснилось, это что-то гораздо большее, чем истерия, что-то более важное для общества в целом. И вот это новое понимание таких мемориалов привело людей к тому, что они стали сохранять какие-то важные элементы. Будут или нет они в дальнейшем исследоваться – важно сохранить эти вещи, по крайней мере, на какое-то время, в архивах или музеях. В нашей книге мы использовали материалы с мемориала Пима Фортёйна, их использовали и музеи на выставке героев страны. И в Смитсониан, где выставляются объекты с мемориалов 11 сентября, посетители испытывают почти религиозные чувства, совершают там разного рода ритуалы, и это очень важно. Во всех музеях, посвященных 11 сентября, видно, насколько американская нация все еще травмирована случившимся, как эмоционально люди ведут себя в музеях, как ценны эти, казалось бы, бессмысленные объекты с мемориалов – хорошо, что они все-таки были сохранены в музеях и архивах.

Конечно, объекты для архивирования должны подвергаться строгому отбору. Нет смысла хранить два контейнера плюшевых мишек. Но, например, записки должны строго архивироваться. Потому что все они значимы. Кроме того, они представляют собой массив данных. И если вы хотите увидеть, как различные идеи распространялись на мемориале, вам потребуется не две-три, но все 5000 записок. Конечно, мы не знаем ни пола, ни возраста авторов, но что поделать... Мы должны пользоваться теми материалами, которые имеем, к тому же про большинство средневековых документов, например, такой информации у нас тоже нет. Хранение этих вещей помогает не забывать о том, что жизнь не должна пропадать напрасно.

5. Пим Фортёйн – нидерландский политик, убит 6 мая 2002 года.

7. Какие исследования в этой области Вам представляются наиболее значимыми? *Порекомендуйте, пожалуйста, нашим читателям три каких-нибудь текста.*

- Foote, Kenneth E. (1997; rev. ed. 2003). *Shadowed Ground: America's Landscapes of Violence and Tragedy*. Austin: University of Texas Press
- Jack Santino (2006), *Spontaneous Shrines and Public Memorializations of Death*, New York: Palgrave Macmillan.
- Peter Jan Margry & Cristina Sánchez-Carretero (eds) (2011) *Grassroots Memorials: The Politics of Memorializing Traumatic Death*. New York: Berghahn.
- Erika Doss (2012), *Memorial Mania: Public Feeling in America*. Chicago: U. of Chicago Press.

На немецком языке о придорожных мемориалах:

- Christine Aka (2007). *Unfallkreuze. Trauerorte am Straßenrand*. Münster: Waxmann.

8. *Может быть, эти явления стоит рассматривать в контексте каких-то более широких тем (поминальных практик, death studies, паломничества, public display, политической коммуникации)?*

Это всегда междисциплинарное исследование. Это и исследование религии, и материальной культуры, и performance studies – как люди ведут себя на мемориалах. Такой отдельной дисциплины как memorialization studies не существует, хотя, например, Эрика Досс и Кеннет Фут работают именно в этой сфере. Конечно, антропология и этнография. Исследование коммуникаций, исследование похоронных обрядов.

В этой сфере работают несколько интересных исследовательских групп. Например, английская Death, dying and disposal, а также Голландский центр танатологии (<http://www.ru.nl/ct/english/publications/nijmegen-studies/>).

*С Путером Яном Маргри
беседовала Анна Соколова*

Сильвия Гридер, почетный профессор Техасского университета A&M

Сильвия Гридер — почетный профессор факультета антропологии Техасского университета A&M, специалист по американскому Юго-Западу, популярной культуре, детскому фольклору. После трагического обрушения традиционного студенческого костра в университете A&M в 1999 году ее исследования переместились в область практик спонтанной мемориализации. Для сохранения и изучения предметов, принесенных к мемориалам в кампусе, профессор Гридер организовала Bonfire Memorabilia Project.

1. Практики спонтанной мемориализации включают в себя очень широкий спектр явлений. Это и придорожные памятные знаки, и большие мемориалы типа того, что установлен в редакции Charlie Hebdo в Париже, и вещи, которые приносят к мемориалам, онлайн-мемориализация и т.д. Какое направление исследований кажется Вам наиболее перспективным?

Еще мало изучено, что общего имеют эти явления между собой, как они связаны и т.д. Они существуют не в вакууме и не изолированы друг от друга. Мы знаем довольно много об этих феноменах по отдельности; следующим шагом будет определить, как они влияют друг на друга и как взаимодействуют.

2. Каким образом социальные медиа и компьютерные сети изменили практики спонтанной мемориализации? Прослеживаете ли Вы какое-то влияние?

Да скорее наоборот: непрерывно изменяющиеся способы создания таких «святилищ» влияют на социальные медиа. Нет, я бы не сказала, что под воздействием социальных медиа «спонтанные святилища» стали другими.

3. Каковы основные функции спонтанной мемориализации в современном обществе: социальное исцеление, протест или что-то другое?

Спонтанное создание и поддержание таких святилищ помогает найти выход множеству эмоций: от скорби до ярости, протеста и даже примирения с бывшим врагом.

4. С чем связан такой большой запрос на публичное оплакивание? Что это — слом табу на публичное переживание смерти, новый канал для выражения общественной позиции или нечто иное?

Быстрое распространение публичного оплакивания может быть вызвано, по крайней мере частично, широким освещением в медиа как приведшего к гибели людей события, так

и последующего создания спонтанных мемориалов. Выходит, что широкая публика узнает из медиа о том, как должно выглядеть «святилище», какого рода вещи можно туда принести и где оно должно быть расположено.

Другой возможной причиной распространения практик публичного траура является невероятный рост, отчасти вследствие терроризма, числа катастроф и трагических событий, который приводит к увеличению разнообразия способов увековечить память погибших.

5. В какой мере мы можем говорить о спонтанности этих практик сейчас, когда они уже успели стать самовоспроизводящейся традицией?

Нет точного способа определить, стала ли уже данная практика традицией. Однако, судя по тому, как быстро каждый раз создается «святилище» в ответ на трагическое событие или катастрофу, мы можем говорить о ее становлении.

6. Находясь в общественном месте, спонтанные мемориалы значительно изменяют его роль в повседневной жизни. Как долго, по-вашему, должен существовать такой мемориал? И каким образом он должен заканчивать свое существование? Какова роль архивации и музейфикации в этих процессах?

Надлежащий срок жизни спонтанного мемориала зависит от конкретных местных условий. Если «святилище» полностью блокирует оживленную улицу, наверное, оно должно быть довольно быстро удалено или, по крайней мере, перемещено. А если оно не мешает движению, то может оставаться на своем месте и даже обновляться по мере того, как приходит в негодность от погодных условий и т.п. В некоторых уголках Соединенных Штатов придорожные мемориалы существуют, обновляясь по мере необходимости, многие годы, часто переживая своих создателей. Важно

рассматривать каждое конкретное «святилище» или мемориал отдельно – нет единственного верного ответа на вопрос о том, как долго оно может существовать.

В целом надлежащий срок жизни мемориала зависит от его состояния. «Святилище», состоящее преимущественно из срезанных цветов, быстро станет грязным и неприглядным, и должно быть убрано до того, как на него станет противно смотреть. С другой стороны, придорожный мемориал, созданный из долговечных материалов (например, металлический крест), может стоять практически бесконечно. Другим фактором является общественная память: до тех пор, пока событие, которое стало причиной появления мемориала, свежо и активно в памяти людей, мемориал имеет смысл. Когда люди забывают о событии или теряют к нему интерес, мемориал становится бесполезен и должен быть убран.

Роль архивов и музеев состоит в том, чтобы предоставить место для хранения и/или демонстрации артефактов, взятых со спонтанного «святилища» и признанных достойными сохранения (ни один музей не может сохранять все предметы, принесенные когда-то к этому мемориалу). На данный момент между исследователями и музейными работниками нет согласия относительно того, сколько таких артефактов должно выставляться. Артефакты из Мемориала ветеранам Вьетнама в Вашингтоне представляют собой прекрасный пример того, как одна институция решает этот вопрос и экспонирует артефакты из своей музейной коллекции.

7. Какие исследования в этой области Вам представляются наиболее значимыми? Посоветуйте, пожалуйста, нашим читателям три каких-нибудь текста.

1. Margry, P. J., Sanchez-Carretero, C. (eds.) Grassroots Memorials: The Politics of Memorializing

- Traumatic Death. (New York and Oxford: Berg-hahn Books, 2011)
2. Santino, Jack (ed.) Spontaneous Shrines and Public Memorializations of Death. (New York: Palgrave, 2005).
 3. Foote, Kenneth. Shadowed Ground: America's Landscapes of Violence and Tragedy. Revised Edition. (Austin: University of Texas Press, 2003).

8. Может быть, эти явления стоит рассматривать в контексте каких-то более широких тем (поминальных практик, death studies, паломничества, public display, политической коммуникации)?

Такие памятники настолько разнообразны и сложны, что их можно изучать только мультидисциплинарно. Расположенные в разных частях земного шара и разных государствах, «святые места» отличаются внешним видом, функциями и значением; даже невозможно представить себе какой-то один подход к их пониманию и изучению.

*С Сильвией Гридер беседовала
Анна Соколова*

Кэнди Канн, Бэйлорский Университет в Техасе

Доктор Кэнди Канн — сотрудник Бэйлорского Университета в Техасе The Baylor Interdisciplinary Core (BIC), получила Ph.D. в области сравнительного религиоведения в Гарварде. Основными исследовательскими интересами доктора Канн являются смерть и умирание в контексте общественных механизмов памяти, забвения и прославления. Автор книги «Virtual Afterlives: Grieving the Dead in the Twenty-First Century» (University Press of Kentucky, 2014).

1. Практики спонтанной мемориализации включают в себя очень широкий спектр явлений. Это и придорожные памятные знаки, и большие мемориалы типа мемориала Charlie Hebdo в Париже, и вещи, которые приносят к мемориалам, online мемориализация и тд. Какое направление исследований кажется Вам наиболее перспективным?

Для академического изучения важны все формы мемориализации. Если мы изучаем только большие государственные мемориалы и проходящие там церемонии, мы оказываемся включенными в определенную государственную повестку дня относительно того, какие смерти нужно помнить, а какие лучше забыть (а ведь тот, кто не мемориализован, не менее важен, чем тот, память о ком сохраняется). Спонтан-

ная мемориализация, которая возникает на низовом уровне (будь то социальные медиа или дорожная обочина), обнажает потребности, которые не удовлетворяются устоявшимися в обществе практиками, связанными со смертью. Поэтому так важно описывать и изучать их.

2. Каким образом социальные медиа и компьютерные сети изменили практики спонтанной мемориализации? Прослеживаете ли Вы какое-то влияние?

Платформы социальных медиа, как и компьютеры в целом, производят коренную ломку наших способов горевания, поскольку они предлагают нам новые синтаксис и грамматику, которые хорошо понимаются и принимаются обществом. Например, практика замены своей фотографии профиля на фото умершего является общепринятым способом сообщить окружению как о том, что ты скорбишь и о своем праве на скорбь, так и о том, что ты претендуешь на членство в соответствующей субгруппе. Распространение эмодзи и стикеров дает людям визуально сильные (или клишированные) способы продемонстрировать свои эмоции (например, плачущий эмотикон). И так же, как ограниченность размеров надгробия обусловило тенденцию к использованию аббревиатур (R.I.P. вместо

Rest in Peace), технические ограничения платформ социальных медиа, таких как Твиттер, изменяют способы выражения скорби. В Твиттере, например, с его ограничением в 140 знаков, тексты выражающие скорбь становятся короче или заменяются эмоджиконами.

3. Каковы основные функции спонтанной мемориализации в современном обществе: социальное исцеление, протест или что-то другое?

Я думаю, она играет все эти роли. В Соединенных Штатах люди, работающие на окладе, обычно получают лишь трехдневный отгул в связи с тяжелой утратой (почасовые работники часто получают только неоплачиваемое свободное время для посещения самих похорон – и больше ничего). Это значит, что на траур просто нет времени, нет его даже для того, чтобы участвовать в многочисленных логистических заботах, связанных со смертью. Эта нехватка времени для выражения личной скорби хорошо иллюстрирует, как возникает более широкий социальный запрос на преодоление скорби. Для меня эта спонтанная мемориализация отражает потребность скорбеть и демонстрировать свою, частную, скорбь, которая была маргинализирована как в частной жизни, так и в рабочем окружении.

В Соединенных Штатах эти формы мемориализации особенно часто обнаруживаются в более маргинальных сообществах и среди тех, чья скорбь является маргинализованной в повседневном социальном дискурсе. Так я нахожу это более распространенным в связи с необычными смертями (потеря ребенка или самоубийство) или среди тех, кто в буквальном смысле живет на краю, в экономическом или социальном плане. Например, практики мемориализации с помощью наклеек на стекло автомобиля чрезвычайно распространены в приграничных регионах (в Калифорнии и Техасе) и среди нерепрезентативных меньшинств, в то

время как в центральном Среднем Западе они встречаются крайне редко или отсутствуют вовсе.

4. С чем связан такой большой запрос на публичное оплакивание? Что это – слом табу на публичное переживание смерти, новый канал для выражения общественной позиции или нечто иное?

Я думаю, что мы горевали публично всегда. Черные нарукавные повязки, траурные значки, траурные фотографии, траурные украшения со вставками из волос умершего и, наконец, черная траурная одежда – люди всегда имели потребность продемонстрировать свой статус скорбящих понятным для всего общества образом. Этим летом я узнала о «ловушках для слез» [tear catcher], распространенных во времена Гражданской войны в США: вдовы собирали свои слезы в специальный флакон с пробкой, и, когда слезы испарялись, траур официально заканчивался. Мне нравится этот образ и идея того, что эти флаконы давали вдовам осязаемое измерение для их траура. Так что мне не кажется, что популярная мемориализация является чем-то новым. Скорее, некоторые общества и культуры маргинализируют скорбь через законы об отгулах в связи с тяжелой утратой или же намеренным ее игнорированием – и в том, и в другом случае мы имеем дело с включением скорби в систему ценностей как некоторого отклонения от нормы, чего-то неестественного. Таким образом, то, что раньше считалось нормальным, теперь воспринимается как проблема. Люди должны горевать в соответствии с правилами, чтобы жить хорошо.

5. В какой степени мы можем говорить о спонтанности этих практик сейчас, когда они уже успели стать самовоспроизводящейся традицией?

Это важный вопрос, на эту тему можно было бы написать отличную статью. Возможно, эти проявления скорби вовсе не спонтанные, так как они возникают в рамках определенного культурного и социального синтаксиса.

б. Находясь в общественном месте, спонтанные мемориалы значительно изменяют его роль в повседневной жизни. Как долго, по-вашему, должен существовать такой мемориал? И каким образом должен заканчивать свое существование? Какова роль архивации и музеефикации в этих процессах?

Это тоже важно понять. Я думаю, ответ зависит от обстоятельств, а также того, как в местном обществе понимаются функции пространства, времени и разграничения публичной и приватной сфер. Скорбь должна прерывать пространство и время, так что, я думаю, это важная функция спонтанных мемориалов.

«Положенное время» может очень различаться в зависимости от контекста. В 1937 году в Техасе в результате взрыва газа в школе погибли 300 детей, и год спустя местные жители все еще не считали себя готовыми «двигаться дальше», отменив мемориальные мероприятия. Противоположный пример: в 2012 году 20 детей и шесть взрослых были застрелены в Нью-тоне штата Коннектикут, городские власти уничтожили самодельные мемориалы и «святилища» в городе всего две недели спустя, поскольку мэр сказал, что необходимо «двигаться дальше» и «исцеляться».

Архивы и музеи играют большую роль в этом процессе, и это тоже готовая тема для дополнительного исследования. То, как мемориалы каталогизируются, архивируются, критически рассматриваются и преподносятся, крайне важно для скорбящих, академических исследователей, историков, антропологов, равно как и для исследователей смерти. Наконец, имеет смысл изучать и то, кто занимается архивированием,

как через эти материалы конструируется или реконструируется память общества и почему мемориалы представляют одни голоса, оставляя в стороне другие, не менее важные.

7. Какие исследования в этой области Вам представляются наиболее значимыми? Посоветуйте, пожалуйста, нашим читателям три каких-нибудь текста.

Я думаю, что работами, обязательными к прочтению, являются, во-первых, книга Эрики Досс (Erika Doss) «Memorial Mania: Public Feeling in America» (University of Chicago, 2010), анализирующая подъем популярной мемориализации, во-вторых, моя книга «Virtual Afterlives» (University Press of Kentucky, 2014), в которой рассматриваются причины этого подъема, утверждающая, что поскольку скорбь стала очень сегментированной и маргинальной (и классово-обусловленной), эта тенденция продолжится, в-третьих, новая захватывающая и очень важная книга Томаса Лакера (Thomas W. Laqueur) «The Work of the Dead: A Cultural History of Mortal Remains» (Princeton University, 2016), которая рассматривает историю репрезентации самой смерти в культуре; эта работа впечатляет меня как наиболее современная версия другой важной работы Филиппа Арьеса (Philippe Ariès) «The Hour of Our Death: The Classic History of Western Attitudes Toward Death over the Last One Thousand Years» (Random House, 1980).

Наконец – хотя это и не книга – потрясающая работа Карлы Ротштайн (Karla Rothstein) в Death Lab Колумбийского университета. Это самая передовая работа о смерти из тех, что я читала (<http://www.deathlab.org/>).

8. Может быть, эти явления стоит рассматривать в контексте каких-то более широких тем (поминальных практик, death studies, паломничества, public display, политической коммуникации)?

Драматичное противостояние публичной и частной сфер выражения скорби таит для исследователя интересные возможности, если рассматривать, каким образом общественные ожидания влияют на выражение личной скорби.

Например, здесь, в Соединенных Штатах, траурные мероприятия часто кооптированы государством, которое пытается тем самым установить рамки и ограничения для периода скорби. Для одних случаев мемориализации это означает, что мемориалы будут удалены после определенного периода времени, для других – что существует контроль над их установкой (например, придорожные мемориалы в некоторых штатах устанавливаются и поддерживаются правительством, это делается для того, чтобы контролировать их внешний вид и любую возможность появления политического подтекста). Самым показательным примером такого подхода является мемориал Всемирного торгового центра. Создание мемориала и управление им позволило государству контролировать и воспроизводить нарратив. Меня также все больше интересует, как мемориализация конструирует и формирует понимание времени и места. Я задумываюсь о том, как влияет на наше понимание пространства и телесного опыта то, что иногда локусом скорби становится место смерти, а не само тело.

*С Кэнди Канн беседовала
Анна Соколова*